

ЗАЩИТА ПРАВ ЖЕРТВ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ДОВЕДЕНИИ ДО САМОУБИЙСТВА

*А.Ф. Абдулвалиев, А.В. Белоусов, Д.В. Сидоренко, Н.В. Сидорова,
Е.М. Толстолужинская, Е.А. Хабарова*

ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», г. Тюмень, Россия

PROTECTION OF THE VICTIMS RIGHTS IN THE COURSE OF PROCEEDINGS ON CASES OF INCITEMENT TO SUICIDE

*A.F. Abdulvaliev, A.V. Belousov, D.V. Sidorenko,
N.V. Sidorova, E.M. Tolstoluzhinskaya, E.A. Khabarova*

Tyumen State University, Tyumen, Russia

Сведения об авторах:

Абдулвалиев Алмаз Фирзьярович – кандидат юридических наук, доцент (SPIN-код: 1041–6560; Researcher ID: Q-6544-2018; ORCID iD: 0000-0002-0390-393X; Scopus Author ID: 503510). Место работы и должность: доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет». Адрес: Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. Телефон: +7 (922) 268-56-52, электронный адрес: a.f.abdulvaliev@utmn.ru

Белоусов Алексей Владимирович – кандидат юридических наук (SPIN-код: 4488–6767; Researcher ID: ABE-2861-2022; ORCID iD: 0000-0002-9963-4833). Место работы и должность: доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет». Адрес: Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. Телефон: +7 (905) 824-02-43, электронный адрес: a.v.belousov@utmn.ru

Сидоренко Дмитрий Владимирович (SPIN код: 8336-7756; Researcher ID: HLV-8023-2023; ORCID iD: 0000-0002-8663-4965). Место работы и должность: старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет». Адрес: Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. Телефон: +7 (952) 348-91-92, электронный адрес: d.v.sidorenko@utmn.ru

Сидорова Наталья Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент (SPIN-код: 1505–3395; Researcher ID: Y-1199-2018; ORCID iD: 0000-0002-4991-4036; Scopus Author ID: 57210360862). Место работы и должность: доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет». Адрес: Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. Телефон: +7 (922) 471-87-80, электронный адрес: n.v.sidorova@utmn.ru

Толстолужинская Елена Михайловна – кандидат юридических наук, доцент (SPIN-код: 4329-3350; Researcher ID: B-4416-2019; ORCID iD: 0000-0003-4565-0552; Scopus Author ID: 452799). Место работы и должность: доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет». Адрес: Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. Телефон: +7 (922) 471-87-80, электронный адрес: e.m.tolstoluzhinskaya@utmn.ru

Хабарова Елена Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент (SPIN-код: 6848–6372; Researcher ID: AAG-3051-2020; ORCID iD: 0000-0002-6132-7352; Scopus Author ID: 57223709236). Место работы и должность: доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет». Адрес: Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, 6. Телефон: +7 (912) 928-29-86, электронный адрес: e.a.khabarova@utmn.ru

Information about the authors:

Abdulvaliev Almaz Firziarovich – PhD of Legal Sciences, Associate Professor (SPIN-code: 1041-6560; Researcher ID: Q-6544-2018; ORCID iD: 0000-0002-0390-393X; Scopus Author ID: 503510). Place of work and position: Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Tyumen State University. Address: 6 Volodarsky st. Tyumen, 625003, Russia. Phone: +7 (922) 268-56-52, email: a.f.abdulvaliev@utmn.ru

Belousov Alexey Vladimirovich – PhD of Legal Sciences (SPIN-code: 4488–6767; Researcher ID: ABE-2861-2022; ORCID iD: 0000-0002-9963-4833). Place of work and position: Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Tyumen State University. Address: 6 Volodarsky st. Tyumen, 625003, Russia. Phone: +7 (905) 824-02-43, email: a.v.belousov@utmn.ru

Sidorenko Dmitry Vladimirovich (SPIN-code: 8336-7756; Researcher ID: HLV-8023-2023; ORCID iD: 0000-0002-8663-4965). Место работы и должность: Senior Lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of the Tyumen State University. Address: 6 Volodarsky st. Tyumen, 625003, Russia. Phone: +7 (952) 348-91-92, email: d.v.sidorenko@utmn.ru

Sidorova Natalia Vyacheslavovna – PhD of Legal Sciences, Associate Professor (SPIN-code: 1505–3395; Researcher ID: Y-1199-2018; ORCID iD: 0000-0002-4991-4036; Scopus Author ID: 57210360862). Place of work and position: Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Tyumen State University. Address: 6 Volodarsky st. Tyumen, 625003, Russia. Phone: +7 (922) 471-87-80, email: n.v.sidorova@utmn.ru

Tolstoluzhinskaya Elena Mikhailovna – PhD of Legal Sciences, Associate Professor (SPIN-code: 4329-3350; Researcher ID: B-4416-2019; ORCID iD: 0000-0003-4565-0552; Scopus Author ID: 452799). Place of work and position: Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Tyumen State University. Address: 6 Volodarsky st. Tyumen, 625003, Russia. Phone: +7 (922) 471-87-80, email: e.m.tolstoluzhinskay@utmn.ru

Khabarova Elena Anatolyevna – PhD of Legal Sciences, Associate Professor (SPIN-code: 6848-6372; Researcher ID: AAF-3051-2020; ORCID ID: 0000-0002-6132-7352; Scopus Author ID: 57223709236). Place of work and position: Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines of the Tyumen State University. Address: 6 Volodarsky st. Tyumen, 625003, Russia. Phone: +7 (912) 928-29-86, email: e.a.khabarova@utmn.ru

В статье на основе исторических и правовых этапов формирования институтов социального обеспечения жизни и здоровья человека и гражданина рассматривается специфика правоприменительной деятельности по уголовным делам о доведении до самоубийства. *Целью исследования* является выделение алгоритма применения положений уголовно-процессуального законодательства при использовании правовых методов и средств в расследовании и рассмотрении преступлений данной категории. *Материалы и методы*: проведён анализ кодифицированных нормативно-правовых актов, содержащих в себе нормы уголовного и уголовно-процессуального права, а также специфики правоприменительной деятельности. В частности, проанализированы 50 приговоров, 4 определения кассационного суда общей юрисдикции, 3 кассационных определения, постановление Европейского суда по правам человека и статистическая информация о состоянии преступности в Российской Федерации по уголовным делам возбужденным по статьям 110, 110.1 и 110.2 УК РФ в период с 2015 года по 2022 год. В этих же целях обобщены теоретические работы учёных в сфере уголовного судопроизводства и криминалистической методики расследования уголовных дел о криминальном суициде. Специальными методами исследования выступили системно-структурный, исторический, сравнительно-правовой, статистический и социологический. *Результаты* исследования правоприменительной практики показали, что суицидальные действия среди взрослых женщин составляют – 74%, а среди взрослых мужчин – 4%. Анализ данных позволил описать криминалистические характеристики типичной жертвы криминального суицида. В ходе работы был разработан алгоритм применения положений уголовно-процессуального законодательства в расследовании и рассмотрении преступлений данной категории, который включает указание на особенности возбуждения уголовного дела без заявления потерпевшего; привлечение законного представителя или осуществление процессуальной замены потерпевшего; юридическое обеспечение прав жертвы; компенсацию морального вреда в рамках производства по уголовному делу. *Выводы*. Проведённый анализ эмпирического исследования позволил выделить исходные ситуации, требующие процессуального регулирования и сформировать методы и средства, обеспечивающие жертву правовой защитой при расследовании преступлений о криминальных суицидах.

Ключевые слова: права жертвы, потерпевший, преступление, доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства, уголовное судопроизводство, криминальный суицид, криминалистика

С древнейшего периода в обществе было принято защищать, оберегать и опекать незащищённые слои населения – стариков, детей и женщин. Сначала подобная помощь оказывалась путём «приглашения соседей на спешную работу» [1], через общественную повинность, жизнь на погосте за счёт подаяния, домашнее рабство, институт «приймачества» у южных славян, мирскую помощь, «хождение за навальным» и другие [2]. В Древней Руси социальная помощь расширилась и распространилась на нищих, инвалидов, погорельцев, многодетные и неполные семьи [3]. Постепенно институты социального обеспечения незащищённых слоев населения становились сложнее и разнообразнее. В наши дни государство оказывает социальную помощь гражданам, находящимся за чертой бедности, отбывавшим наказание, пострадавшим в результате террористических актов и другим. Среди приоритетов «повышение качества жизни, укрепление здоровья населения, обеспечение стабильного демографического развития

Since ancient times, it has been customary in society to protect, preserve and patronize the unprotected segments of the population – the elderly, children and women. At first, such assistance was provided by “inviting neighbors to urgent work” [1], through public service, life on the churchyard getting alms, domestic slavery, the institution of “inviting an orphan to the family” among the southern Slavs, mundane help, helping out women in need and others [2]. In Ancient Rus', social assistance expanded and spread to the poor, the disabled, victims of fire, large and single-parent families [3]. Gradually, the institutions of social security for vulnerable segments of the population became more complex and diverse. Today, the state provides social assistance to citizens who are below the poverty line, who have served their sentences, who have suffered as a result of terrorist acts, and others. Among the priorities are “improving

страны» [4]. Вышеназванные задачи, были определены Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 и реализуются в том числе уголовно-правовыми и уголовно-процессуальными средствами. Как и в древние времена незащищёнными остаются женщины, дети и пожилые люди, поэтому очередной шаг в этом направлении был сделан в 2017 году – в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ) введены статьи 110.1 и 110.2, поскольку имеющихся уголовно-правовых средств защиты жертв криминального суицида оказалось недостаточно. Цель статьи – выделить алгоритм применения положений уголовно-процессуального законодательства при использовании правовых методов и средств в расследовании и рассмотрении преступлений данной категории.

Материал и методы.

Для достижения поставленной цели были изучены 58 материалов практики, а также использованы общенаучные методы исследования: анализ, синтез, дедукция, индукция, моделирование, эксперимент. Специальными методами исследования выступили системно-структурный, исторический, сравнительно-правовой, статистический и социологический.

Результаты анализа практики расследования преступлений, признаки которых предусмотрены статьями 110, 110.1 и 110.2 УК РФ [5] (было изучено 50 приговоров, 4 определения кассационного суда общей юрисдикции, 3 кассационных определения, постановление Европейского суда по правам человека) показали, что большинство жертв криминального суицида – это молодые женщины (74% изученных случаев) в возрасте до 35 лет, находящиеся в иной зависимости от преступника, поскольку состоят в супружеских отношениях или сожительствуют с ним, беременны [6] или имеют совместных несовершеннолетних детей (59% потерпевших). Опасаясь развода, и, в связи с этим потери ребёнка, женщины продолжают терпеть издевательства супруга (сожителя). Так, Д. систематически избивал супругу, унижал её, оскорблял нецензурной бранью, запрещал общаться со знакомыми через социальные сети, встречаться со знакомыми и родственниками, звонить и писать с помощью мобильного телефона, самостоятельно принимать решения о режиме дня, внешнем виде. Пользуясь тем, что супруга боялась при расторжении брака потерять дочь, угрожал ей, что заберёт ребёнка себе на воспитание [7].

Характерно, что до психотравмирующих событий потерпевшие не проявляли суицидальных наклонностей, положительно характеризовались по месту работы и месту жительства, имели чувство

the quality of life, strengthening the health of the population, ensuring the stable demographic development of the country” [4]. The above tasks were determined by the Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2015 No. 683 and are being implemented, including by criminal law and criminal procedural means. As in ancient times, women, children and the elderly remain unprotected, so the next step in this direction was taken in 2017 – Articles 110.1 and 110.2 were introduced into the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Russian Federation), since the available criminal law remedies for victims criminal suicide was not enough. The aim of the article is to highlight the algorithm for applying the provisions of the criminal procedural legislation when using legal methods and means in the investigation and consideration of crimes of this category.

Materials and methods.

To achieve this aim, 58 practice materials were studied, and general scientific research methods were used: analysis, synthesis, deduction, induction, modeling, experiment. Special methods of research were system-structural, historical, comparative legal, statistical and sociological.

The results of the analysis of the practice of investigating crimes, the features of which are provided for in articles 110, 110.1 and 110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation [5] (50 sentences, 4 rulings of the court of cassation of general jurisdiction, 3 cassation rulings, a ruling of the European Court of Human Rights were studied) showed that the majority of victims of criminal of suicide are young women (74% of the cases studied) under the age of 35 who are otherwise dependent on the offender because they are in a marital relationship or cohabit with him, are pregnant [6] or have minor children together (59% of victims). Fearing a divorce, and, in connection with this, the loss of a child, women continue to endure the bullying of their spouse (cohabitant). So, D. systematically beat his wife, humiliated her, insulted her with bad language, forbade her to communicate with friends through social networks, meet with friends and relatives, call and write using a mobile phone, independently make decisions about the daily routine, appearance. Taking advantage of the fact that the wife was afraid to lose her daughter during the dissolution of the mar-

собственного достоинства. Вместе с тем женщины отличались высокой степенью восприимчивости [8]. Типичной является ситуация доведения до самоубийства супруги или сожительницы путём систематического избиения и угроз. Супруг желает причинить ей ещё более значительные телесные повреждения или убить, оскорбив словами грубой нецензурной бранью [9, 10, 11]. Так, потерпевшая, установив, что её супруг Г. перезванивается с другой женщиной и подозревая, что он ей изменяет, начала разговор с мужем на эту тему. Однако супруг на её слова отреагировал агрессивно, пригрозил, что убьёт и начал её избивать. На протяжении нескольких дней неоднократно Г. бил женщину руками по лицу, плечам, ногам и груди, сопровождая избиение словами «убью, отправлю на тот свет» [12].

Число детско-подростковых *криминальных суицидов* составляет 22% от общего количества изученных случаев. Условно потерпевших рассматриваемой категории можно разделить на две группы: жертвы насилия со стороны родных [13], близких и знакомых [14] в реальной жизни и жертвы интернет-преступников [15].

Первая группа несовершеннолетних потерпевших, как правило, находится в материальной и иной зависимости от преступника: матери [16], отца [17], опекунов [18], сожителей родителей. Например, нередко находясь в состоянии алкогольного опьянения И. систематически оскорблял и избивал руками, ногами и ремнём свою несовершеннолетнюю дочь, вынуждая её уходить из дома ночевать к знакомым. Кроме того, отец жертвы мог говорить ей, что «она является нежеланным ребёнком в семье, и что было бы лучше, если бы её мать сделала аборт и она не рождалась». В результате потерпевшая решила выпрыгнуть из окна шестнадцатого этажа здания, но была вовремя остановлена педагогом [16].

Это наблюдение в целом согласуется с данными литературы, где отмечается, что в большинстве случаев возраст потерпевших – 14-17 лет [8, 19]. Самый опасный – возрастной период с 12 до 18 лет, потому как наблюдается процесс становления личности, усиливается влияние социальных ролей, дети ищут приемлемую модель поведения [20] и при отсутствии таковых среди ближайшего окружения, обычно обращаются за примером подражания в сеть Интернет, что, как правило, не способствует формированию и закреплению социально адаптивных стратегий на будущую жизнь. У несовершеннолетних потерпевших криминального суицида, выявляется высокая тревожность и уровень негативных эмоций, низкий уровень самооценки, реакции агрессии [21,

he threatened her that she would take the child to her upbringing [7].

Characteristically, before the traumatic events, the victims did not show suicidal tendencies, were positively characterized by their work place and place of residence, and had self-esteem. However, women were characterized by a high degree of susceptibility [8]. A typical situation is driving a spouse or cohabitant to suicide by systematic beatings and threats. The husband wants to inflict even more significant bodily harm on her or kill her by insulting her with rude obscene language [9, 10, 11]. So, the victim, having established that her husband G. regularly calls another woman and suspecting that he is cheating on her, she started a conversation with her husband on this topic. However, her husband reacted aggressively to her words, threatened to kill her and began to beat her. For several days, G. repeatedly beat the woman with his hands on the face, shoulders, legs and chest, accompanying the beating with the words “I will kill you” [12].

Number of child and adolescent *criminal suicides* accounts for 22% of the total number of cases studied. Conventionally, the victims of this category can be divided into two groups: victims of violence from relatives [13], relatives and acquaintances [14] in real life and victims of online criminals [15].

The first group of juvenile victims, as a rule, is in material and other dependence on the offender: mother [16], father [17], guardians [18], cohabitants of parents. For example, often being in a state of alcoholic intoxication, I. systematically insulted and beat his underage daughter with his hands, feet and a belt, forcing her to leave home to spend the night with friends. In addition, the victim's father could tell her that "she is an unwanted child in the family, and that it would be better if her mother had an abortion and she was not born." As a result, the victim decided to jump out of the window of the sixteenth floor of the building, but was stopped in time by the teacher [16].

This observation is generally consistent with the literature data, where it is noted that in most cases the age of the victims is 14-17 years [8, 19]. The most dangerous is the age period from 12 to 18, because the process of personality formation is observed, the influence of social roles increases, children are looking for an acceptable behavior model [20], and in the absence of such among their immediate environment, they usually turn to the Internet for an

22].

Стресс могут вызывать самые разные модели и поведения преступника. Наиболее встречаема ситуация домашнего насилия и систематического оскорбления потерпевших в грубой неприличной форме. Встречаются совершенно нетрадиционные в практике расследования криминальных суицидов случаи доведения до самоубийства несовершеннолетних сверстниками-знакомыми с помощью телекоммуникационных сетей. Так, Г. склоняла к совершению самоубийства свою подругу, с которой была знакома и дружила с самого раннего детства. Воспользовавшись конфликтной ситуацией в семье потерпевшей (бытовой конфликт жертвы преступления с матерью) и путём уговоров, советами, указаниями, предоставлением информации Г. склоняла подругу к самоубийству. Для достижения поставленной цели Г. использовала информационно-телекоммуникационную сеть Интернет с применением социальной сети ВКонтакте. Используя в переписке разные псевдонимы, преступница давала несовершеннолетней потерпевшей указания и советы о способах и методах совершения суицида, демонстрировала фотографии суицидального характера тем самым провоцируя подругу к совершению самоубийства [23].

Вторая группа несовершеннолетних потерпевших криминального суицида имеет значительные отличия от первой: возраст потерпевших начинается с 12 лет; они проживают в благополучных семьях; являются активными пользователями сети интернет; не проявляют интереса к жизни вне своего дома; не умеют коммуницировать; внушаемы, мнительны; имеют низкую самооценку [24]. С преступником рассматриваемые субъекты ранее не были знакомы, зачастую имеют неправильное представление о возрасте и половой принадлежности интернет-собеседника. Этим факторам следует так же уделять внимание. Ввиду неокрепшей психики и незащитности малолетних лиц уголовное законодательство должно охранять и защищать их права и законные интересы, не допуская совершения в отношении них подобных преступлений, либо справедливо наказывая виновных за их совершение [25].

Нередко жертвами криминального суицида становятся пожилые люди. Как правило, это ситуация, когда до самоубийства взрослый сын доводит пожилую мать (14% изученных случаев). Родители, решившие покончить самоубийством, находятся в иной зависимости от своих детей – совместно проживают с ними и не имеют возможности жить отдельно. Психотравмирующая ситуация по таким делам складывается типичным образом – сыновья си-

example of imitation, which, as a rule, it does not contribute to the formation and consolidation of socially adaptive strategies for the future life. In juvenile victims of criminal suicide, high anxiety and the level of negative emotions, a low level of self-esteem, and aggression reactions are revealed [21, 22].

Stress can cause a variety of models and behaviors of the offender. The most common situation is domestic violence and systematic abuse of the victims in a rude indecent form. There are quite unconventional in the practice of investigating criminal suicides cases of bringing minors to suicide by peers-acquaintances with the help of telecommunication networks. So, G. persuaded her friend, whom she had known and been friends with from early childhood, to commit suicide. Taking advantage of the conflict situation in the family of the victim (domestic conflict between the victim of the crime and the mother) and by persuasion, advice, guidance, and the provision of information, G. persuaded her friend to commit suicide. To achieve this goal, G. used information on the Internet and telecommunications network using the social network VKontakte. Using various pseudonyms in correspondence, the offender gave the minor victim instructions and advice on the methods and methods of committing suicide, showed photos of a suicidal nature, thereby provoking her friend to commit suicide [23].

The second group of juvenile victims of criminal suicide has significant differences from the first: the age of the victims starts from 12; they live in prosperous families; are active Internet users; show no interest in life outside their home; do not know how to communicate; are suggestible, suspicious; have low self-esteem [24]. The subjects in question were not previously familiar with the offender, often have a misconception about the age and gender of the Internet offender. These factors should also be given attention. In view of the fragile psyche and defenselessness of juveniles, criminal legislation should protect and look after their rights and legitimate interests, preventing the commission of such crimes against them, or justly punishing those responsible for their commission [25].

Elderly people are often the victims of criminal suicide. As a rule, this is a situation when an adult son drives an elderly mother to commit suicide (14% of the cases studied). Parents who decide to commit suicide are in a different dependence on their chil-

стематически избивают своих матерей руками, палками, толкают их, оскорбляют нецензурными словами [26, 27], отбирают деньги, крадут вещи потерпевших [28], чтобы вести паразитический и антисоциальный образ жизни, приводят на совместную жилую площадь распивать спиртные напитки многочисленных друзей, не пускают в жилое помещение, закрывая дверь изнутри, высказывают пожелания скорой смерти или грозят убить [29]. В результате, у жертвы, не имеющей суицидальных мыслей, формируется желание покончить жизнь самоубийством.

Гораздо реже среди жертв по делам о криминальных суицидах встречаются взрослые мужчины – 4% изученных случаев. Часть из потерпевших находилась в иной зависимости от преступника (вследствие финансовых [30, 31], служебных [32] и/или родственных [33] отношений) и не могли избежать общения с ним. Так, рядовой 1-й дисциплинарной роты войсковой части 12801 совершил покушение на самоубийство, которое не было доведено до конца по независящим от него причинам. Решению уйти из жизни предшествовали действия командира – он избивал жертву, окунал головой в унитаз. В результате непосредственных действий подсудимого у потерпевшего развилось психическое расстройство [34]. В другом случае пострадал осуждённый М., отбывающий наказание в виде лишения свободы на срок 2 года 3 месяца. Потерпевший не выдержал «публичных угроз избиения, причинения вреда здоровью и убийства, отнесения к неформальной категории низкого иерархического статуса, влекущего тяжкие последствия, что является самой низкой ступенью унижения» со стороны осуждённых и отбывающих наказание в виде лишения свободы в том же учреждении. М. повесился на телевизионном кабеле, однако, довести до конца свои действия, не смог «ввиду своевременного обнаружения его осуждёнными и оказания ему необходимой медицинской помощи» [35].

Разнообразие рассмотренных жизненных ситуаций криминального суицида и беззащитность пострадавших в результате доведения до самоубийства показывает важное: перед государством в лице органов уголовной юстиции стоит цель по обеспечению справедливого и эффективного расследования и рассмотрения уголовных дел, обеспечению прав лиц, ставших жертвами рассматриваемой группы преступлений. Факторы риска суицидального поведения различны [36], но далеко не все они связаны с противоправным поведением иных лиц. При этом именно в отношении жертв преступных действий российское законодательство наиболее последовательно выстра-

dren – they live together with them and do not have the opportunity to live separately. The psychotraumatic situation in such cases develops in a typical way – sons systematically beat their mothers with their hands, sticks, push them, insult them with obscene words [26, 27], take away money, steal the victims' belongings [28] in order to lead a parasitic and antisocial lifestyle, bring them to to drink alcoholic drinks of numerous friends in their common living space, they are not allowed into the living quarters, closing the door from the inside, they express wishes for an imminent death or threaten to kill them [29]. As a result, the victim, who does not have suicidal thoughts, develops a desire to commit suicide.

Adult men are much less common among the victims of criminal suicide cases – 4% of the cases studied. Some of the victims were dependent on the offender (mostly financially [30, 31], or due to service [32], and/or family relations [33]) and could not avoid contact with him. Thus, a private of the 1st disciplinary company of military unit 12801 committed suicide, which was not carried through to the end for reasons beyond his control. The decision to die was preceded by the actions of the commander – he beat the victim, dipped his head into the toilet. As a result of the direct actions of the defendant, the victim developed a mental disorder [34]. In another case, convict M. suffered, serving a sentence of imprisonment for a term of 2 years and 3 months. The victim could not stand the “public threats of beatings, harm to health and murder, referring to the informal category of low hierarchical status entailing grave consequences, which is the lowest level of humiliation” from those convicted and serving sentences of imprisonment in the same institution. M. hanged himself on a television cable, however, he could not complete his actions “due to the timely detection of him by the convicts and the provision of the necessary medical assistance to him” [35].

The variety of considered life situations of criminal suicide and the defenselessness of victims as a result of incitement to suicide shows an important thing: the state, represented by the criminal justice authorities, has the goal of ensuring a fair and effective investigation and consideration of criminal cases, ensuring the rights of victims of the group of crimes under consideration. Risk factors for suicidal behavior are different [36], but not all of them are

ивает возможность правовой защиты уголовно-процессуальными средствами. Преступники должны быть привлечены к уголовной ответственности и наказаны, но не в меньшей степени необходимо защитить и права жертв.

Вопрос о назначении и целях российского уголовного судопроизводства до сих пор является дискуссионным [37, 38]. Не умаляя значение такой цели как защита всех лиц, вовлечённых в уголовное судопроизводство, а также цели реализации уголовного преследования, следует отметить, что законодатель на первое место в статье 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [39] (далее – УПК РФ) среди объектов защиты называет права потерпевшего от преступления. Полагаем значительный интерес представляет вопрос о защите прав, а, следовательно, и реализации назначения российского уголовного судопроизводства в том числе по делам, где последствием преступного поведения стало самоубийство жертвы. Современное уголовное судопроизводство не может быть оторвано от морали и нравственности, а государство (от имени которого и осуществляется расследование и рассмотрение преступлений) «должно быть не против, а за человека» [40].

С точки зрения обеспечения прав жертв преступлений, связанных с самоубийством (доведение до самоубийства, склонение к самоубийству), можно рассматривать две исходные ситуации:

1) противоправные действия преступника привели к печальному результату и самоубийство жертвы произошло (так, в приговоре от 22 января 2019 года, постановленному Ишимбайским городским судом республики Башкортостан по уголовному делу по обвинению *Б.*, установлено, что жертва в результате противоправных действий осуждённого, находясь в состоянии сильной эмоциональной напряжённости, вызванной длительной психотравмирующей ситуацией, ввиду жестокого обращения, нанесла себе проникающие ранения и скончалась в реанимации [9]);

2) противоправные действия преступника по какому-либо не зависящим от него причинам к самоубийству жертвы не привели (например, дело № 1-12/2022, рассмотренное Карымским районным судом Забайкальского края, согласно материалам которого обвиняемый *Л.*, несмотря на истязания, многочисленные угрозы, систематическое унижение человеческого достоинства сожительницы Евгении и требований к ней покончить жизнь самоубийством, не смог достичь преступного результата [41]. Или дело по обвинению *И.*, который систематически избивая и унижая дочь, довёл её до покушения на самоубий-

associated with the illegal behavior of other persons. At the same time, it is precisely in relation to victims of criminal acts that Russian legislation most consistently builds the possibility of legal protection by criminal procedural means. The perpetrators must be prosecuted and punished, but the rights of the victims must be protected no less.

The issue of the purpose and goals of Russian criminal proceedings is still debatable [37, 38]. Without belittling the importance of such a goal as the protection of all persons involved in criminal proceedings, as well as the goals of criminal prosecution, it should be noted that the legislator in the first place in Article 6 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation [39] (hereinafter – the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) among the objects protection calls the rights of the victim of the crime. We believe that the question of the protection of rights, and, consequently, the implementation of the purpose of Russian criminal proceedings, including in cases where the victim's suicide was a consequence of criminal behavior, is of considerable interest. Modern criminal justice cannot be divorced from morality and ethics, and the state (on behalf of which the investigation and consideration of crimes is carried out) “should not be against, but for the person” [40].

From the point of view of ensuring the rights of victims of crimes related to suicide (incitement to suicide, inducement to suicide), two initial situations can be considered:

1) the criminal's illegal actions led to a result and the victim committed suicide (for example, in the verdict of January 22, 2019, it was decided by the Ishimbay City Court of the Republic of Bashkortostan in a criminal case on charges of *B.*, it was established that the victim, as a result of the unlawful actions of the convict, being in a state of strong emotional tension caused by a long-term psychotraumatic situation, due to ill-treatment, she inflicted penetrating wounds on herself and died in intensive care [9]);

2) the actions of the criminal, for some reason beyond his control, did not lead to the victim's suicide (for example, case No. 1-12/2022, the systematic humiliation of the human dignity of Evgenia's cohabitant and demands for her to commit suicide, could not achieve a criminal result [41]. Or the case on charges of *I.*, who, systematically beating and humiliating his daughter, brought

ство путём прыжка с шестнадцатого этажа здания, но девочка была своевременно остановлена педагогом [17].

Указанные ситуации могут не отличаться с точки зрения уголовно-правовой квалификации деяния (в проанализированных случаях было предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 110 УК РФ, и преступники понесли наказание), так как окончанным преступление считается даже при покушении на самоубийство, однако они существенно отличаются в процессуальном смысле: в случае смерти жертвы при расследовании и рассмотрении уголовного дела потерпевший по своей сути – всего лишь процессуальная замена [42], а в случае, если жертва была спасена, то потерпевшим по уголовному делу будет признана именно она.

Рассматриваемые ситуации требуют безусловно разного процессуального регулирования, применения разных правил от всех участников уголовного судопроизводства.

В самом общем виде правовые средства защиты жертвы любого преступления по российскому законодательству заключаются в нескольких составляющих, предусмотренных УПК РФ. В частности, это:

1) возможность обратиться в правоохранительные органы с заявлением о совершении преступления;

2) незамедлительное признание потерпевшим по возбужденному уголовному делу с одновременным появлением у лица комплекса процессуальных прав и обязанностей [43];

3) возможность активно участвовать в расследовании преступления, давая показания, представляя доказательства и знакомясь с материалами уголовного дела [44, 45];

4) право доверить защиту своих интересов в ходе производства по уголовному делу представителю, пригласив квалифицированного профессионального юриста [46];

5) возможность привлечения законного представителя несовершеннолетнего, который пусть и не обладает знаниями адвоката, но способен восполнить недостаток опыта и зрелости, необходимые участникам уголовного дела [47];

6) предъявление требований о возмещении имущественного вреда и компенсации морального вреда, причинённого преступлением, то есть право на заявление гражданского иска в уголовном судопроизводстве [4];

7) комплекс мер безопасности, который может состоять не только из процессуальных средств, но и

her to attempted suicide by jumping from the sixteenth floor of the building, but the girl was promptly stopped by the teacher [17].

These situations may not differ from the point of view of the criminal legal qualification of the act (in the analyzed cases, they were charged with committing a crime under Part 1 of Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation, and the criminals were punished), since a crime is considered completed even with an attempted suicide, however they differ significantly in the procedural sense: in the event of the death of the victim during the investigation and consideration of the criminal case, the victim is, in essence, just a procedural replacement [42], and if the victim was saved, then it is they who will be recognized as the victim in the criminal case.

The situations under consideration require unconditionally different procedural regulation, the application of different rules from all participants in criminal proceedings.

In the most general form, the legal remedies for the protection of the victim of any crime under Russian law consist of several components provided for by the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. In particular, these are:

1) the opportunity to apply to law enforcement agencies with a statement about the commission of a crime;

2) immediate recognition as a victim in an initiated criminal case with the simultaneous appearance of a complex of procedural rights and obligations in a person [43];

3) the opportunity to actively participate in the investigation of the crime, giving evidence, presenting evidence and getting acquainted with the materials of the criminal case [44, 45];

4) the right to entrust the protection of their interests in the course of criminal proceedings to a representative by inviting a qualified professional lawyer [46];

5) the possibility of attracting a legal representative of a minor, who, although does not have the knowledge of a lawyer, is able to make up for the lack of experience and maturity necessary for the participants in a criminal case [47];

6) filing claims for compensation for property damage and compensation for moral damage caused by a crime, that is, the right to file a civil claim in criminal proceedings [4];

7) a set of security measures, which may consist not only of procedural means,

включать в себя меры физической защиты [39, 49, 50];

8) создание условий, при которых потерпевшие – жертвы домашнего насилия и свидетели будут готовы рассказать о случившемся (даже при отсутствии возможности проведения закрытых заседаний) перед участниками уголовного судопроизводства [51].

Элементы механизма обеспечения прав потерпевшего довольно стандартны, реализуемы практически по любому уголовному делу. Однако применить этот механизм во всей полноте к жертве криминального суицида возможно только в том случае, если по каким-либо объективным или субъективным причинам, будь то спасение жертвы третьими лицами [23], использование непригодных средств [36], отказ совершать все действия, необходимые для окончания самоубийства [41], смерть жертвы в результате преступления не наступила.

Только в этом случае жертва доведения до самоубийства имеет возможность обратиться в правоохранительные органы и требовать возбуждения уголовного дела, но, как показывает проведённый в рамках исследования анализ уголовных дел, о криминальном суициде, выжившие жертвы самостоятельно не обращаются с заявлениями о совершённом преступлении и не сообщают близким людям о действиях преступника [41]. Полагаем это происходит на фоне возникающего у жертв чувства незащищённости. Следует отметить, что по действующему российскому законодательству возбуждение уголовного дела возможно и в отсутствие заявления пострадавшего от преступления лица. Таким образом, психоэмоциональное состояние выжившей жертвы, рассматриваемой категории преступлений, вызывающее нежелание обращаться с заявлением о преступлении не мешает правоохранительным органам принимать решение о начале производства по уголовному делу о доведении до самоубийства или склонении к нему.

В этом случае жертва (выжившее лицо, совершившее покушение на самоубийство) должна быть признана потерпевшим по уголовному делу сразу же после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, и, по возможности, с учётом состояния здоровья, допрошена. Думается, что одновременно с признанием потерпевшим жертвы, покушавшейся на самоубийство, следует решать вопросы с законным представителем и с представителем потерпевшего. Следует отметить в этой связи, что законодатель демонстрирует непоследовательность, указывая в статье 5 УПК РФ, что законный представитель – это родитель, опекун или попечитель только лишь несо-

but also include physical protection measures [39, 49, 50];

8) creation of conditions under which victims – victims of domestic violence and witnesses will be ready to talk about what happened (even in the absence of the possibility of holding closed meetings) to the participants in criminal proceedings [51].

The elements of the mechanism for ensuring the rights of the victim are quite standard and can be implemented in almost any criminal case. However, it is possible to apply this mechanism in its entirety to the victim of a criminal suicide only if, for some objective or subjective reasons, whether it is saving the victim by third parties [23], using unsuitable means [36], refusing to perform all the actions necessary to end the suicide [41], the death of the victim as a result of the crime did not occur.

Only in this case, the victim of incitement to suicide has the opportunity to apply to law enforcement agencies and demand the initiation of a criminal case, but, as the analysis of criminal cases carried out as part of the study shows that when it comes to criminal suicide surviving victims do not independently file statements about the crime committed and do not inform relatives about the actions of the criminal [41]. We believe this is happening against the background of the victims' feelings of insecurity. It should be noted that under the current Russian legislation, the initiation of a criminal case is possible even in the absence of a statement from the victim of the crime. Thus, the psychoemotional state of the surviving victim of the category of crimes under consideration, which causes reluctance to file a complaint about a crime, does not prevent law enforcement agencies from making a decision to initiate criminal proceedings on incitement to suicide or inducement to it.

In this case, the victim (survivor who committed suicide) should be recognized as a victim in a criminal case immediately after the decision to initiate a criminal case is made, and, if possible, interrogated taking into account the state of health. It seems that simultaneously with the recognition of the victim who attempted suicide as a victim, issues should be resolved with the legal representative and with the representative of the victim. It should be noted in this regard that the legislator demonstrates inconsistency, indicating in Article 5 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation that a legal representative is a parent,

вершеннолетнего потерпевшего, а в части 2 статьи 45 УПК РФ ссылается на возможность привлечения законного представителя и для лиц, которые по своему физическому или психическому состоянию лишены возможности самостоятельно защищать свои интересы. Полагаем, что в данном случае правильную позицию занимает Верховный Суд Российской Федерации, давший разъяснения практики и устранивший таким образом проблему, которая возникала из-за противоречия в законе [43]. Опираясь на позицию Пленума Верховного Суда Российской Федерации, и изученную практику судов общей юрисдикции, полагаем, что выжившие жертвы доведения до самоубийства по своему психическому состоянию не способны (особенно в начале расследования) самостоятельно защищать свои интересы, поэтому привлечение законного представителя потерпевшего по такой категории уголовных дел, является обязательным даже, если потерпевший уже достиг совершеннолетия.

Кроме того, одновременно с признанием лица потерпевшим в данном случае, должен быть назначен и представитель потерпевшего, который сможет осуществлять процессуальные права и обязанности потерпевшего, в которых необязательно его личное участие, но для эффективной реализации которых требуются правовые знания. Действующий УПК РФ, к сожалению, не предусматривает обязательного участия в деле представителя потерпевшего, за исключением случаев, когда потерпевшим является несовершеннолетний, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности. Наше утверждение о необходимости привлечения к участию в деле со стороны потерпевшего квалифицированного юриста основывается на выводе, что суицид осуществляется лицами с нестабильной психикой, с психическими расстройствами [36], переживающими чувство незащищённости [41], обладающими неустойчивой эмоционально-волевой регуляцией [23] и проявлением тревожно-депрессивной симптоматики [17], а равно лицами, совершившими преступление в состоянии невменяемости или ограниченной вменяемости (что также в определённой доли степени усложняет рассмотрение уголовного дела).

Если в таких обязательных процессуальных действиях как допрос, заменить потерпевшего не представляется возможным (обеспечение его прав должно проходить в этом случае другим способом, предусмотренным УПК РФ – с помощью участия специалиста), то более формализованные следственные мероприятия (получение копий процессуальных

guardian or trustee of only a minor victim, and in P. 2 of Art. 45 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation refers to the possibility of attracting a legal representative for persons who, due to their physical or mental condition, are deprived of the opportunity to independently protect their interests. We believe that in this case, the correct position is taken by the Supreme Court of the Russian Federation, which clarified the practice and thus eliminated the problem that arose due to a contradiction in the law [43]. Based on the position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and the studied practice of the courts of general jurisdiction, we believe that the surviving victims of incitement to suicide due to their mental state are not able (especially at the beginning of the investigation) to independently protect their interests, therefore, the involvement of a legal representative of the victim in this category of criminal cases, is mandatory even if the victim has already reached the age of majority.

In addition, simultaneously with the recognition of a person as a victim in this case, a representative of the victim must be appointed, who will be able to exercise the procedural rights and obligations of the victim, in which their personal participation is not necessary, but for the effective implementation of which legal knowledge is required. The current Criminal Procedure Code of the Russian Federation, unfortunately, does not provide for the mandatory participation in the case of a representative of the victim, except in cases where the victim is a minor against whom a crime against sexual integrity has been committed. Our statement about the need to involve a qualified lawyer in the case on the part of the victim is based on the conclusion that suicide is carried out by persons with an unstable psyche, with mental disorders [36], experiencing a sense of insecurity [41], with unstable emotional and volitional regulation [23] and manifestation of anxiety and depressive symptoms [17], as well as by persons who committed a crime in a state of insanity or limited sanity (which also complicates the consideration of a criminal case to a certain extent).

If it is not possible to replace the victim in such mandatory procedural actions as interrogation (ensuring his rights should take place in this case in a different way provided for by the Criminal Procedure Code of the Russian Federation – with the help of a specialist), then more formalized investiga-

актов, заявление ходатайств, участие в примирении и пр.) должны производиться лицом, осознающим текущую ситуацию в полной мере, желательно при этом обладающим правовыми знаниями.

Вопрос о том, равноценен ли фигуре представителя потерпевшего законный представитель потерпевшего – весьма спорный, но для нас ответ на него однозначен. Смешивать или взаимозаменять эти различные процессуальные роли, по нашему мнению, недопустимо – там, где законный представитель компенсирует недостаток дееспособности и здравого смысла представляемого лица, представитель способен оказывать эффективную юридическую помощь [53].

В этой связи следует отметить возможность возникновения конфликта интересов между жертвой криминального суицида и законным представителем – родственником. По уголовному делу, расследованному и рассмотренному в Нижнетавдинском районе Тюменской области [54], обвиняемая в совершении преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ выполняла обязанности опекуна по отношению к малолетней сироте. Полагаем, что обеспечение прав жертвы доведения до самоубийства посредством обязательного привлечения представителя – профессионального юриста исключит подобные противоречия.

Ещё более конфликтная ситуация может возникнуть в случае, когда жертва доведения до самоубийства скончалась, а функцию потерпевшего, согласно требованиям уголовно-процессуального закона, исполняет так называемый «процессуальный потерпевший», то есть лицо, которое является близким родственником, близким лицом или родственником жертвы. Так, по уголовному делу по обвинению в совершении преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ, была привлечена *P.*, которая путём систематического унижения человеческого достоинства своей несовершеннолетней дочери, психического насилия, ведения аморального образа жизни и злоупотребления алкоголем, довела девочку до самоубийства от механической асфиксии при повешении [16]. При производстве по данному уголовному делу никто не был признан потерпевшим, представителя интересов погибшей девочки не было.

Участие представителя позволит более полно реализовать ещё одно право потерпевшего – жертвы рассматриваемого вида преступления – право на заявление гражданского иска по уголовному делу. Такое право возникает после возбуждения уголовного дела у потерпевшего при причинении ему имущественного вреда и для компенсации морального вре-

данных мер (получение копий процессуальных актов, filing petitions, participation in reconciliation, etc.) should be carried out by a person who is fully aware of the current situation, preferably with legal knowledge.

The question of whether the legal representative of the victim is equivalent to the figure of the representative of the victim is very controversial, but for us the answer to it is unequivocal. Mixing or interchanging these various procedural roles, in our opinion, is unacceptable – where the legal representative compensates for the lack of legal capacity and common sense of the represented person, the representative is able to provide effective legal assistance [53].

In this regard, it should be noted that there is a possibility of a conflict of interest between the victim of a criminal suicide and the legal representative – a relative. In a criminal case investigated and considered in the Nizhnetavdinsky district of the Tyumen region [54], the accused of committing a crime under Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation performed the duties of a guardian in relation to a minor orphan. We believe that ensuring the rights of the victim of incitement to suicide through the mandatory involvement of a representative – a professional lawyer will eliminate such contradictions.

An even more serious conflict situation may arise when the victim of incitement to suicide has died, and the function of the victim, according to the requirements of the criminal procedure law, is performed by the so-called “procedural victim”, that is, a person who is a close relative, close person or relative of the victim. So, in a criminal case on charges of committing a crime under Article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation, *R.* was involved, who, by systematically humiliating the human dignity of her underage daughter, mental violence, leading an immoral lifestyle and alcohol abuse, brought the girl to suicide from mechanical asphyxia when hanging [16]. During the proceedings in this criminal case, no one was recognized as a victim, there was no representative of the interests of the deceased girl.

The participation of a representative will make it possible to realize another right of the victim more fully – the victim of the type of crime in question – the right to file a civil claim in a criminal case. Such a right arises after the initiation of a criminal case by the victim when causing him property

да [39, 55, 56, 57]. В рамках производства по уголовному делу могут быть заявлены требования только о возмещении вреда, причинённого непосредственно преступлением. Так, жертва покушения на самоубийство может заявить требования о компенсации морального вреда (нравственных и/или физических страданий), так как причинённый преступником вред посягал на нематериальные блага, охраняемые законом (то есть жизнь человека). В случае, если жертва совершила самоубийство, потерпевшему – близкому родственнику или близкому лицу жертвы также принадлежит право заявления гражданского иска о компенсации морального вреда (каждому из близких, признанных потерпевшими, даже если их было несколько). Однако Верховный Суд Российской Федерации, разъясняя практику, указал, что при удовлетворении таких исков следует учитывать обстоятельства, позволяющие дифференцированно подойти к оценке физических и нравственных страданий, причинённых близким жертвы [56], то есть компенсацию могут получить все процессуальные потерпевшие, но соразмерно тем страданиям, которые они испытали. Как показывают материалы изученных нами дел, потерпевшие-жертвы и процессуальные потерпевшие (заменившие при производстве по уголовному делу погибшую жертву преступления), гражданские иски заявляют. Так, по уголовному делу по обвинению П. в совершении незаконного лишения свободы и доведения до самоубийства своей девушки (она выбросилась из окна, после того, как П. отказался выпускать её из квартиры) гражданский иск о компенсации морального вреда по два миллиона рублей каждому заявили оба родителя погибшей, признанные по делу потерпевшими [58]. Не всегда возмещение вреда по делам о самоубийстве происходит в форме рассмотрения гражданского иска. Например, обвиняемый компенсировал причинённый вред и оплатил лечение потерпевшей до передачи уголовного дела в суд и без привлечения его в качестве гражданского ответчика [41].

Гражданский иск по делам о криминальном суициде, согласно сложившейся следственной и судебной практике, могут заявить также лица, которые фактически оплатили погребение жертвы преступления. Предварительного признания таких лиц потерпевшими не требуется [56].

Заключение

Рассмотрев базовые положения российского уголовно-процессуального права, лежащие в основе целой системы методов и средств защиты прав жертв криминального суицида, полагаем, что российское законодательство в самом общем виде приспособле-

damage and to compensate for moral damage [39, 55, 56, 57]. Within the framework of criminal proceedings, claims can only be made for compensation for damage caused directly by the crime. Thus, a victim of an attempted suicide may claim compensation for moral harm (moral and/or physical suffering), since the harm caused by the criminal encroached on intangible benefits protected by law (that is, human life). If the victim committed suicide, the victim – a close relative or close person of the victim also has the right to file a civil claim for compensation for moral damage (to each of the relatives recognized as victims, even if there were several of them). However, the Supreme Court of the Russian Federation, explaining the practice, indicated that when satisfying such claims, one should take into account the circumstances that allow a differentiated approach to assessing the physical and moral suffering inflicted on the victim's relatives [56], that is, all procedural victims can receive compensation, but in accordance with those sufferings that they have experienced. As the materials of the cases we have studied show, sufferer victims and procedural victims (who replaced the deceased victim of a crime in a criminal case), civil claims are filed. So, in a criminal case on charges of P. in committing illegal imprisonment and driving his girlfriend to suicide (she threw herself out of the window after P. refused to let her out of the apartment), a civil claim for compensation for non-pecuniary damage of two million rubles each was filed by both parents of the deceased, who were recognized as victims in the case [58]. Suicide damages do not always take the form of a civil lawsuit. For example, the accused compensated for the harm caused and paid for the treatment of the victim before the transfer of the criminal case to the court and without involving them as a civil defendant [41].

A civil claim in cases of criminal suicide, according to the established investigative and judicial practice, can also be filed by persons who actually paid for the burial of the victim of the crime. Prior recognition of such persons as victims is not required [56].

Conclusion. Having considered the basic provisions of Russian criminal procedural law, which underlie the whole system of methods and means of protecting the rights of victims of criminal suicide, we believe that Russian legislation in its most general form is adapted to solve highly spe-

но для решения узкоспециальных задач в сфере производства по преступлениям рассматриваемого вида, однако – негибко, не помогает решать специфические задачи, неизбежно возникающие при расследовании и рассмотрении уголовных дел, возбужденных по преступлениям ответственность за которые предусмотрена статьями 110, 110.1 и 110.2 УК РФ.

cialized tasks in the field of proceedings for crimes of this type, however, it is inflexible, not helps to solve specific tasks that inevitably arise during the investigation and consideration of criminal cases initiated for crimes, responsibility for which is provided for by articles 110, 110.1 and 110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Литература / References:

1. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1963. 143 с. [Propp V.Ya. Russian agrarian holidays (experience of historical and ethnographic research). Leningrad: Publishing House of Leningrad University, 1963. 143 p.] (In Russ)
2. Чеснокова Ю.В. Возникновение и развитие социальной помощи и взаимопомощи в древнейших славянских общинах. *Балтийский гуманитарный журнал*. 2018; 7 (1-22): 390–392. [Chesnokova Yu.V. The emergence and development of social assistance and mutual assistance in the oldest Slavic communities. *Baltic Humanitarian Journal*. 2018; 7 (1-22): 390–392.] (In Russ)
3. Фомин А.А., Чеснокова Ю.В., Лапаев И.В. Эволюция правового регулирования оказания социальной помощи малоимущим и преодоление бедности в России: история и современность: монография. Москва: РУСАЙНС, 2019. 162 с. [Fomin A.A., Chesnokova Yu.V., Lapaev I.V. Evolution of legal regulation of social assistance to the poor and overcoming poverty in Russia: history and modernity: monograph. Moscow: RUSAINS, 2019. 162 p.] (In Russ)
4. Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (Утратил силу) / *Собрание законодательства РФ*, 04.01.2016, № 1 (часть II), ст. 212. [Decree of the President of the Russian Federation dated 31.12.2015 No. 683 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" (Expired) / *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 04.01.2016, No. 1 (Part II), Article 212.] (In Russ)
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // *Собрание законодательства РФ*. 17.06.1996, №25, Ст. 2954. [Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (ed. of 29.12.2022) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 17.06.1996, No. 25, St. 2954.] (In Russ)
6. Приговор Томского гарнизонного военного суда № 1–35/2019 от 20.09.2019 по уголовному делу № 1–35/2019. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tCgwFrwVtbYx/> (дата обращения: 02.02.2023). [The verdict of the Tomsk Garrison Military Court No. 1-35/2019 dated 09/20/2019 in criminal case No. 1-35/2019. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tCgwFrwVtbYx/> / accessed: 02.02.2023.] (In Russ)
7. Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени (Тюменская область) № 1–12/2018 1-414/2017 от 14.06.2018 по уголовному делу № 1-12/2018. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL: // <https://sudact.ru/regular/doc/ZzygqSgOnvmm/> (дата обращения: 02.02.2023). [Verdict of the Leninsky District Court of Tyumen (Tyumen region) No. 1-12/2018 1-414/2017 dated 14.06.2018 in criminal case No. 1-12/2018. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL: // <https://sudact.ru/regular/doc/ZzygqSgOnvmm/> / (accessed 02.02.2023).] (In Russ)
8. Буряковская Е.В. Доведение до самоубийства как негативное социально-правовое явление. *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2019; 11 (1): 200–207. [Buryakovskaya E.V. Driving to suicide as a negative socio-legal phenomenon. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2019; 11 (1): 200–207.] (In Russ)
9. Приговор Ишимбайского городского суда Республики Башкортостан № 1-24/2019 1-261/2018 от 21.01.2019 г. по уголовному делу № 1-24/2019. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9USqCUWwnHoj/> (дата обращения: 02.02.2023). [Verdict of the Ishimbay City Court of the Republic of Bashkortostan No. 1-24/2019 1-261/2018 dated 21.01.2019 in criminal case No. 1-24/2019. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9USqCUWwnHoj/> / (accessed 02.02.2023).] (In Russ)
10. Приговор Шелковского районного суда Чеченской Республики № 1-107/2018 от 12.11.2018 по уголовному делу № 1-107/2018. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GOzlfZ7686Qx/> (дата обращения: 02.02.2023). [The verdict of the Shchelkovsky District Court of the Chechen Republic No. 1-107/2018 dated 12.11.2018 in criminal case No. 1-107/2018. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru / URL: <https://sudact.ru/regular/doc/GOzlfZ7686Qx/> // (accessed 02.02.2023).] (In Russ)
11. Приговор Промышленного районного суда г. Оренбурга № 1–226/2016 от 21.06.2016 по уголовному делу № 1-226/2016. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL: // <https://sudact.ru/regular/doc/zN5pBQoCGP1t/> (дата обращения: 02.02.2023). [Verdict of the Industrial District Court of Orenburg No. 1-226/2016 dated 21.06.2016 in criminal case No. 1-226/2016. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL: // <https://sudact.ru/regular/doc/zN5pBQoCGP1t/> / (accessed 02.02.2023).] (In Russ)
12. Приговор Кукморского районного суда Республики Татарстан № 1-6/2017 1-92/2016 от 26.06.2017 по уголовному делу № 1-6/2017. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL: // <https://sudact.ru/regular/doc/yMvGmMf1Hfml/> (дата обращения: 02.02.2023). [Verdict of the Kukmorsky District Court of the Republic of Tatarstan No. 1-6/2017 1-92/2016 dated 26.06.2017 in criminal case No. 1-6/2017. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL: // <https://sudact.ru/regular/doc/yMvGmMf1Hfml/> / (accessed 02.02.2023).] (In Russ)
13. Приговор Верхнебуреинского районного суда Хабаровского края № 1-12/2017 1-141/2016 от 22.03.2017 по уголовному делу № 1-12/2017. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL: // <https://sudact.ru/regular/doc/yvuHAAds7rbVB/> (дата обращения: 02.02.2023). [Verdict of the Verkhnebureinsky District Court of the Khabarovsk Territory No. 1-12/2017 1-141/2016 dated 22.03.2017 in criminal case No. 1-12/2017. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL: // <https://sudact.ru/regular/doc/yvuHAAds7rbVB/> / (accessed 02.02.2023).] (In Russ)
14. Приговор Кунцевского районного суда Москвы № 1–337/2015 от 19.10.2015 по уголовному делу № 1–337/2015.

- Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL:// <https://sudact.ru/regular/doc/N4SOpFpsYAIM/> дата обращения: 02.02.2023). [The verdict of the Kuntsevsky District Court of Moscow No. 1-337/2015 dated 19.10.2015 in criminal case No. 1-337/2015. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL:// <https://sudact.ru/regular/doc/N4SOpFpsYAIM/> / accessed: 02.02.2023).] (In Russ)
15. Приговор Урванского районного суда Кабардино-Балкарской Республики № 1-66/2018 от 24.05.2018 по уголовному делу № 1-66/2018. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/GQH576StezYp/> дата обращения: 02.02.2023). [The verdict of the Urvansky District Court of the Kabardino-Balkar Republic No. 1-66/2018 dated 24.05.2018 in criminal case No. 1-66/2018. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/GQH576StezYp/> / accessed: 02.02.2023).] (In Russ)
 16. Приговор Охинского городского суда Сахалинской области № 1-121/2015 от 23.07.2015 по уголовному делу 1-121/2015. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL: // <https://sudact.ru/regular/doc/F41Bz23N8ngJ/> (дата обращения: 02.02.2023). [The verdict of the Okhinsky City Court of the Sakhalin Region No. 1-121/2015 dated 23.07.2015 in the criminal case 1-121/2015. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL: // <https://sudact.ru/regular/doc/F41Bz23N8ngJ/> / (accessed 02.02.2023).] (In Russ)
 17. Приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска № 1-219/2017 от 29.09.2017 по уголовному делу № 1-219/2017. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL: // <https://sudact.ru/regular/doc/6yhIfTd8DhYR/> (дата обращения: 02.02.2023). [Verdict of the Lomonosov District Court of Arkhangelsk No. 1-219/2017 dated 29.09.2017 in criminal case No. 1-219/2017. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL: // <https://sudact.ru/regular/doc/6yhIfTd8DhYR/> / (accessed 02.02.2023).] (In Russ)
 18. Приговор Ржевского городского суда Свердловской области № 1-75/2014 от 30.07.2014 по уголовному делу № 1-75/2014. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL:// <https://sudact.ru/regular/doc/37u6x5iayzJ/> (дата обращения: 02.02.2023). [The verdict of the Rzhensky City Court of the Sverdlovsk region No. 1-75/2014 dated 30.07.2014 in criminal case No. 1-75/2014. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL:// <https://sudact.ru/regular/doc/37u6x5iayzJ/> / (accessed 02.02.2023).] (In Russ)
 19. Соломатина Е.А., Трошчанович А.В., Черкасова Л.И. Особенности расследования поведения до самоубийства несовершеннолетних. М., 2014. С. 6. [Solomatina E.A., Troshchanovich A.V., Cherkasova L.I. Features of the investigation of bringing minors to suicide. M., 2014. p. 6.] (In Russ)
 20. Пучнина М.Ю. Меры профилактики криминального суицида несовершеннолетних. *Вестник ВГУ. Серия: Право*. 2020; 3 (42): 285–291. [Puchnina M.Yu. Measures of prevention of criminal suicide of minors. *Bulletin of the VSU. Series: Law*. 2020; 3 (42): 285–291.] (In Russ)
 21. Руженков В., Боева А. Психологические особенности детей, совершивших попытку самоубийства (стратегия оказания психотерапевтической помощи). *Врач*. 2007; 8: 76. [Ruzhenkov V., Boeva A. Psychological characteristics of children who have attempted suicide (strategy of psychotherapeutic assistance). *Doctor*. 2007; 8: 76.] (In Russ)
 22. Панченко Е.А. Особенности досуицидального периода у лиц, совершивших незавершенное самоубийство. *Психическое здоровье*. 2010; 8 (1): 26–29. [Panchenko E.A. Features of the pre-suicidal period in persons who have committed an incomplete suicide. *Mental health*. 2010; 8 (1): 26–29.] (In Russ)
 23. Приговор Судакского городского суда Республики Крым № 1-25/2018 от 07.05.2018 по уголовному делу № 1-25/2018. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/AnhCjvSdlpdj/> (дата обращения: 02.02.2023). [The verdict of the Sudak City Court of the Republic of Crimea No. 1-25/2018 dated 07.05.2018 in criminal case No. 1-25/2018. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/AnhCjvSdlpdj/> / (accessed 02.02.2023).] (In Russ)
 24. Шалагин А.Е., Идиятулов А.Д. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, связанных с побуждением к суициду, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». *Ученые записки Казанского юридического института МВД России*. 2018; 3 (6): 82–88. [Shalagin A.E., Idiyatulov A.D. Criminological characteristics and prevention of crimes related to incitement to suicide committed using the information and telecommunications network "Internet". *Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018; 3 (6): 82–88.] (In Russ)
 25. Вавилкина Т.В. История развития законодательства о самоубийстве. *Наука. Общество. Государство*. 2015; 3 (1-9): 107-113. [Vavilkina T.V. The history of the development of legislation on suicide. *The science. Society. State*. 2015; 3 (1-9): 107-113.] (In Russ)
 26. Приговор Котельничского районного суда Кировской области № 1-3/56/2016 от 09.11.2016 по уголовному делу № 1-3/56/2016. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/NZx12B4ygs1P/> (дата обращения: 02.02.2023). [The verdict of the Kotelnichsky district Court of the Kirov region No. 1-3/56/2016 from 09.11.2016 on criminal case no. 1-3/56/2016. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/NZx12B4ygs1P/> / (accessed 02.02.2023).] (In Russ)
 27. Приговор Центрального районного суда г. Читы (Забайкальский край) № 1-612/2015 от 02.12.2015 по уголовному делу № 1-612/2015. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/uR4vBZ7dfjHE/> дата обращения: 02.02.2023). [Verdict of the Central District Court of Chita (Zabaiкаlsky Krai) No. 1-612/2015 dated 02.12.2015 in criminal case No. 1-612/2015. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/uR4vBZ7dfjHE/> / accessed: 02.02.2023).] (In Russ)
 28. Приговор Агинского районного суда Забайкальского края № 1-107/2015 от 08.06.2015 по уголовному делу № 1-107/2015 Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/Xd7zJQIZGtZe/> (дата обращения: 02.02.2023). [Verdict of the Aginsky District Court of the Trans-Baikal Territory No. 1-107/2015 dated 08.06.2015 on criminal case No. 1-107/2015 Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/Xd7zJQIZGtZe/> / (accessed 02.02.2023).] (In Russ)
 29. Приговор Ленинского районного суда г. Краснодара (Краснодарский край) № 1-67/2019 1-736/2018 от 16.05.2019 по уголовному делу №1-67/2019. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/UTEdQXqKjrdu/> (дата обращения: 02.02.2023). [Verdict of the Leninsky District Court of Krasnodar (Krasnodar Territory) No. 1-67/2019 1-736/2018 dated 16.05.2019 in criminal case No. 1-67/2019. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/UTEdQXqKjrdu/> / (accessed 02.02.2023).] (In Russ)

30. Приговор Заводского районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области № 1-390/2018 от 19.11.2018 по уголовному делу № 1-390/2018 Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/3Jp0atkx57YS/> (дата обращения: 02.02.2023). [Verdict of the Zavodsky District Court of Novokuznetsk, Kemerovo region No. 1-390/2018 dated 19.11.2018 in criminal case No. 1-390/2018 Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/3Jp0atkx57YS/> (accessed 02.02.2023).] (In Russ)
31. Приговор Кунашакского районного суда Челябинской области № 1-43/2019 от 21.03.2019 по уголовному делу №1-49/2018. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/V3MHIOSwg3d1/> (дата обращения: 02.02.2023). [The verdict of the Kuna-shaksky District Court of the Chelyabinsk Region No. 1-43/2019 dated 21.03.2019 in criminal case No. 1-49/2018. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/V3MHIOSwg3d1/> (accessed 02.02.2023).] (In Russ)
32. Приговор Тамбовского районного суда Тамбовской области № 1-76/2015 от 03.12.2015 по уголовному делу № 1-76/2015// Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AB25Dc9DSkgf/> (дата обращения: 02.02.2023). [Verdict of the Tambov District Court of the Tambov Region No. 1-76/2015 dated 03.12.2015 in criminal case No. 1-76/2015// Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/AB25Dc9DSkgf/> (accessed 02.02.2023).] (In Russ)
33. Приговор Урус-Маргановского городского суда Чеченской Республики № 1-2/2016 1-53/2015 от 12.04.2016 по уголовному делу № 1-2/2016. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/WmjJd2bvQJxr/> (дата обращения: 02.02.2023). [Verdict of the Urus-Martan City Court of the Chechen Republic No. 1-2/2016 1-53/2015 dated 12.04.2016 in criminal case No. 1-2/2016. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/WmjJd2bvQJxr/> (accessed 02.02.2023).] (In Russ)
34. Постановление Нижегородского гарнизонного военного суда № 1-2/2015 1-50/2014 от 24.04.2015 по уголовному делу № 1-2/2015. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/UbJ4Hypao9Lu/> (дата обращения: 02.02.2023). [Resolution of the Nizhny Novgorod Garrison Military Court No. 1-2/2015 1-50/2014 from 04/24/2015 on criminal No. 1-2/2015. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/UbJ4Hypao9Lu/> (accessed 02.02.2023).] (In Russ)
35. Приговор Новотроицкого городского суда Оренбургской области № 1-53/2019 от 02.07.2019 по уголовному делу № 1-53/2019. Сайт судебных и нормативных актов Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/YxdyJp9QD3dj/> (дата обращения: 02.02.2023). [The verdict of the Novotroitsky City Court of the Orenburg Region No. 1-53/2019 dated 02.07.2019 in criminal case No. 1-53/2019. Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL // <https://sudact.ru/regular/doc/YxdyJp9QD3dj/> (accessed 02.02.2023).] (In Russ)
36. Суицидальные и несуйцидальные самоповреждения подростков / Коллективная монография. Под редакцией проф. П.Б. Зотова. Тюмень: Вектор Бук, 2021. 472 с. ISBN 978-5-91409-537-3 [Suicidal and non-suicidal self-harm of adolescents / Collective monograph. Edited by Prof. P.B. Zotov. Tyumen: Vector Book, 2021. 472 p. ISBN 978-5-91409-537-3] (In Russ)
37. Володина Л.М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации. М.: Юрлитинформ, 2018. 296 с. [Volodina L.M. The purpose of criminal proceedings and the problems of its implementation. Moscow: Yurlitinform, 2018. 296 p.] (In Russ)
38. Максимов О.А. Единственное назначение современного уголовного процесса и средства его достижения. *Российский следователь*. 2022; 2: 22-26. [Maksimov O.A. The only purpose of the modern criminal process and the means to achieve it. *A Russian investigator*. 2022; 2: 22-26.] (In Russ)
39. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 29.12.2022). Собрание законодательства РФ 24.12.2001 №52 (21), ст. 4921. [Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ dated 18.12.2001 (as amended on 29.12.2022). Collection of Legislation of the Russian Federation No. 52 (21), Article 4921, 24.12.2001.] (In Russ)
40. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве: монография / Отв. ред. Л.Н. Масленикова. М.: «Норма», «ИНФРА-М». 2022. 383 с. [Proving and decision-making in adversarial criminal proceedings: monograph / Ed. by L.N. Maslennikov. M.: "Norm", "INFRA-M". 2022. 383 p.] (In Russ)
41. Приговор Карымского районного суда Забайкальского края от 27.01.2022 по делу №1-12/2022 (1-257)/2020 // Официальный сайт Карымского районного суда Забайкальского края. URL: https://karymsk--cht.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=doc&number=253623807&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 02.02.2023). [The verdict of the Karymsky District Court of the Trans-Baikal Territory of 27.01.2022 in the case №1-12/2022 (1-257)/2020 // The official website of the Karymsky District Court of the Trans-Baikal Territory. URL: https://karymsk--cht.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=doc&number=253623807&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (accessed: 02.02.2023).] (In Russ)
42. Загорьян С. Г., Котельникова О. А. Потерпевший как участник уголовного судопроизводства. *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2021; 2 (18): 159-166. [Zagorian S. G., Kotelnikova O. A. The victim as a participant in criminal proceedings. *Criminology: yesterday, today, tomorrow*. 2021; 2 (18): 159-166.] (In Russ)
43. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. №17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» (ред. от 16.05.2017). *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2010 (9): сентябрь. [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 29, 2010 No. 17 "On the practice of application by courts of the norms regulating the participation of the victim in criminal proceedings" (ed. dated 05/16/2017). Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2010 (9): September.] (In Russ)
44. Татьяна Л.Г. Лукомская А.С. История развития правового положения потерпевшего в уголовном процессе в период распада Российской Империи и по настоящее время. *Вестник Удмуртского университета. Экономика и право*. 2017; 27 (6): 138-144. [Tatiana L.G. Lukomskaia A.S. The history of the development of the legal status of the victim in criminal proceedings during the collapse of the Russian Empire and to the present. Bulletin of the Udmurt University. *Economics and law*. 2017; 27 (6): 138-144.] (In Russ)
45. Мальцагов И.Д., Штымова О.Х. Понятие и значение показаний потерпевшего. *Закон и право*. 2021; 3: 119-121. [Maltsagov I.D., Shtymova O.H. The concept and meaning of the victim's testimony. *Law and law*. 2021; 3: 119-121.] (In Russ)

46. Бегова Д.Я., Ибрагимова Р.А. Назначение адвоката – представителя потерпевшего – как гарантия квалифицированной юридической помощи. *Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3. Общественные науки*. 2017; 32 (2): 77–81. [Begova D.Ya., Ibragimova R.A. Appointment of a lawyer – representative of the victim – as a guarantee of qualified legal assistance. *Bulletin of Dagestan State University. Series 3. Social Sciences*. 2017; 32 (2): 77–81.] (In Russ)
47. Татьяна Л.Г., Марковичева Е.В. Процессуальное положение законного представителя в современном российском уголовном процессе. *Вестник Удмуртского университета. Экономика и право*. 2021; 31 (4): 669–673. [Tatyana L.G., Markovicheva E.V. The procedural position of a legal representative in modern Russian criminal proceedings. *Bulletin of the Udmurt University. Economics and law*. 2021; 31 (4): 669–673.] (In Russ)
48. Колоколов Н.А. Гражданский иск в уголовном деле – «лед» и «пламень» в одном флаконе. *Мировой судья*. 2021; 5: 9–15. [Kolokolov N.A. Civil suit in a criminal case – "ice" and "flame" in one bottle. *Justice of the peace*. 2021; 5: 9–15.] (In Russ)
49. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (ред. от 01.07.2021). Собрание законодательства РФ, 23.08.2004, № 34, ст. 3534. [Federal Law No. 119-FZ of August 20, 2004 "On State Protection of Victims, Witnesses and Other Participants in Criminal Proceedings" (as amended on 01.07.2021). Collection of Legislation of the Russian Federation, 23.08.2004, No. 34, article 3534.] (In Russ)
50. Короленко И.И., Непранов Р.Г. Проблемы защиты свидетелей и потерпевших в уголовном процессе. *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2020; 2: 147–152. [Korolenko I.I., Nepranov R.G. Problems of protection of witnesses and victims in criminal proceedings. *North Caucasian Legal Bulletin*. 2020; 2: 147–152.] (In Russ)
51. Габышев В.Е., Нелаева Г.А., Сидорова Н.В., Хабарова Е.А. Расследование гендерно-обусловленного насилия в рамках правосудия переходного периода: опыт Бразилии. *Латинская Америка*. 2019; 8: 35–46. [Gabyshv V.E., Nelaeva G.A., Sidorova N.V., Khabarova E.A. Investigation of gender-based violence in the framework of transitional justice: the experience of Brazil. *Latin America*. 2019; 8: 35–46.] (In Russ)
52. Нелаева Г.А., Сидорова Н.В., Хабарова Е.А. Невменяемость и ограниченная вменяемость в международном уголовном праве. *Международное уголовное право и международная юстиция*. 2019; 1: 3–6. [Nelaeva G.A., Sidorova N.V., Khabarova E.A. Insanity and limited sanity in international criminal law. *International criminal law and international justice*. 2019; 1: 3–6.] (In Russ)
53. Бегова Д.Я. Проблемы участия представителя в обеспечении прав потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве. *Государственная служба кадры*. 2021; 4: 154–156. [Begova D.Ya. Problems of the representative's participation in ensuring the rights of the victim in Russian criminal proceedings. *Public service personnel*. 2021; 4: 154–156.] (In Russ)
54. Приговор Нижнетавдинского районного суда Тюменской области №1-75/2014 от 30.07.2014 / Сайт судебных и нормативных актов Судact.ru URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nPSRhHbnNZWw> (дата обращения: 02.02.2023). [Verdict of the Nizhnetavdinsky District Court of the Tyumen region No.1-75/2014 dated 30.07.2014 / Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nPSRhHbnNZWw> (accessed: 02.02.2023).] (In Russ)
55. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 27.01.2023). Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301. [The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (ed. of 27.01.2023). Collection of Legislation of the Russian Federation, 05.12.1994, No. 32, article 3301.] (In Russ)
56. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу». *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2020; 12: декабрь. [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13.10.2020 No. 23 "On the practice of consideration by courts of a civil claim in a criminal case". *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2020; 12: Dec.] (In Russ)
57. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда». *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2023; 2: февраль. [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 33 dated 11/15/2022 "On the Practice of applying Norms on compensation for Moral Damage by Courts. *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. 2023; 2: February.] (In Russ)
58. Приговор Авиастроительного районного суда города Казани от 18.07.2020 по уголовному делу №1-17/2020 / Сайт судебных и нормативных актов Судact.ru URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MXhnva4RFxgP/> (дата обращения: 02.02.2023) [The verdict of the Aircraft-building District Court of Kazan dated 18.07.2020 in criminal case No. 1-17/2020 / Website of judicial and regulatory acts Sudact.ru URL: <https://sudact.ru/regular/doc/MXhnva4RFxgP/> (accessed: 02.02.2023)] (In Russ)

PROTECTION OF THE VICTIMS RIGHTS IN THE COURSE OF PROCEEDINGS ON CASES OF INCITEMENT TO SUICIDE

A.F. Abdulvaliev, A.V. Belousov, D.V. Sidorenko,
N.V. Sidorova, E.M. Tolstoluzhinskaya, E.A. Khabarova

Tyumen State University, Tyumen, Russia;
a.f.abdulvaliev@utmn.ru

Abstract:

Based on the historical and legal stages of the formation of institutions for social security of life and health of a person and a citizen, the article examines the specifics of law enforcement in criminal cases of incitement to suicide. *The aim of the study* is to highlight the algorithm for applying the provisions of the criminal procedural law when using legal methods and means in the investigation and consideration of crimes of this category. *Materials and methods*: an analysis of codified legal acts containing the norms of criminal and criminal procedural law, as well as the specifics of law enforcement was carried out. In particular, 50 verdicts, 4 rulings of the court of cassation of general jurisdiction, 3 cassation rulings, a ruling of the European Court of Human Rights and

statistical information on the state of crime in the Russian Federation in criminal cases initiated under articles 110, 110.1 and 110.2 of the Criminal Code of the Russian Federation in the period from 2015 were analyzed. years to 2022. For the same purposes, the theoretical works of scientists in the field of criminal justice and forensic methods of investigating criminal cases of criminal suicide are summarized. Special methods of research were system-structural, historical, comparative legal, statistical and sociological. *The results* of a study of law enforcement practice showed that suicidal acts among adult women are 74%, and among adult men – 4%. The analysis of the data made it possible to describe the forensic characteristics of a typical victim of criminal suicide. In the course of the work, an algorithm was developed for applying the provisions of the criminal procedural legislation in the investigation and consideration of crimes of this category, which includes an indication of the specifics of initiating a criminal case without a statement from the victim; involvement of a legal representative or the implementation of a procedural replacement of the victim; legal support of the rights of the victim; compensation for non-pecuniary damage in criminal proceedings. *Conclusions*. The analysis of the empirical study made it possible to identify initial situations that require procedural regulation and form methods and means that provide the victim with legal protection in the investigation of crimes of criminal suicide.

Keywords: victim rights, victim, crime, incitement to suicide, inducement to commit suicide, criminal justice, criminal suicide, forensic science

Вклад авторов:

А.Ф. Абдулвалиев: написание реферата статьи, сбор практического материала, анализ и обобщение материалов практики, редактирование текста рукописи и библиографического списка;

А.В. Белоусов: подготовка развернутого реферата и ключевых слов к статье, редактирование текста рукописи;

Д.В. Сидоренко: обобщение материалов практики, обзор публикаций по теме статьи, редактирование текста рукописи и реферата статьи;

Н.В. Сидорова: обобщение материалов практики, обзор публикаций по теме статьи, написание текста рукописи, редактирование текста рукописи и реферата статьи;

Е.М. Толстолужинская: обобщение материалов практики, обзор публикаций по теме статьи, написание текста рукописи, редактирование текста рукописи и реферата статьи;

Е.А. Хабарова: сбор практического материала, обзор публикаций по теме статьи, редактирование текста рукописи и реферата статьи, описание библиографического и эмпирического материала.

Authors' contributions:

A.F. Abdulvaliev: writing an abstract of an article, collecting practical material, analyzing and summarizing practice materials, editing the text of the manuscript and bibliographic list;

A.V. Belousov: preparation of a detailed abstract and keywords for the article, editing the text of the manuscript;

D.V. Sidorenko: generalization of practice materials, review of publications on the topic of the article, editing of the text of the manuscript and the abstract of the article;

N.V. Sidorova: generalization of practice materials, review of publications on the topic of the article, writing the text of the manuscript, editing the text of the manuscript and the abstract of the article;

E.M. Tolstoluzhinskaya: generalization of practice materials, review of publications on the topic of the article, writing the text of the manuscript, editing the text of the manuscript and the abstract of the article;

E.A. Khabarova: collection of practical material, review of publications on the topic of the article, editing of the text of the manuscript and the abstract of the article, description of bibliographic and empirical material.

Финансирование: Данное исследование не имело финансовой поддержки.

Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 05.02.2023. Принята к публикации / Accepted for publication: 20.03.2023.

Для цитирования: Абдулвалиев А.Ф., Белоусов А.В., Сидоренко Д.В., Сидорова Н.В., Толстолужинская Е.М., Хабарова Е.А. Защита прав жертв в ходе производства по делам о доведении до самоубийства. *Суицидология*. 2023; 14 (1): 169-185. doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-01(50)-169-185

For citation: Abdulvaliev A.F., Belousov A.V., Sidorenko D.V., Sidorova N.V., Tolstoluzhinskaya E.M., Khabarova E.A. Protection of the victims rights in the course of proceedings on cases of incitement to suicide. *Suicidology*. 2023; 14 (1): 169-185. (In Russ / Engl) doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-01(50)-169-185